

АРХЕТИП «ПОДРОСТКА» В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

*Работа представлена кафедрой истории русской литературы
Кубанского государственного университета.*

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор В. П. Попов

В статье показан процесс воплощения архетипических начал и признаков «подростка» в двух идеологических, эмоционально-психологических разнополюсных образах – Версилова и Макара Долгорукого, восходящих к общему архетипу, и подчеркнута предвещающая роль Достоевского по отношению к научным конструкциям психоаналитики XX в.

The article describes the archetypical characteristics of a «teen-ager» in two opposite ideological, emotional and psychological images – Versilov and Makar Dolgorukiy. Both these characters route from common archetype. The author outlines premonitory role of Dostoevsky in the scientific psychoanalytics of the XX century.

«Подросток» у Достоевского – это не столько обозначение возраста, сколько определение характерного этапа на пути человека к истине, этапа, ценность которого очень высока и связана с многоуровневым семантическим блоком «уединенное сознание – двойничество – испытание идей», как одной из основных идеологем творчества писателя. Однако остается открытым вопрос о структуре и функции этого художественного знака в поэтической системе писателя. Мы исходим из того, что в произведениях писателя понятие «подросток» выступает как определенный компонент его художественной системы и несет определенную и незаменимую функцию, выяснение которой и является основной научной задачей. Приблизиться к решению этого вопроса можно, выстроив или хотя бы наметив, структуру персонажей Достоевского, связанных со знаком «подросток».

Специфика архетипа «подросток» определяется тремя аспектами: структура личности, мотивация поступков, развитие личности. Архетипические черты подростка в романе: обостренное чувство собственного «я», отягощенное комплексом неполноценности, стремление найти спасение от своей неуверенности и незащищенности в

облике сильного, благородного отца, чувство любви к матери, укрепившееся в мальчике в детстве, переживание своей незаконнорожденности, усиленное издевательствами сверстников и учителя Тушара.

Вынужденный дефицит общения вызывает к жизни «подпольное сознание» с сопутствующим комплексом чувств. Защитные механизмы подростковой психики рождают в противовес унижению гамму чувств собственного превосходства, презрения и гордости. Обязательным атрибутом сознания «подпольного» героя является модель идеального мира, в котором жизнь носит экспериментальный, игровой характер. Подросток переносит критерий собственной оценки из реального в желаемый мир. Как результат этого, знание героя о себе базируется на выдуманных чертах личности. Необходимым условием выдуманного мира является подмена нравственных оснований эстетикой, вымышленный мир непременно должен быть красивым.

Достоевский продолжил тенденцию «романа воспитания», уделяя особое внимание влиянию на личность социальных и идеологических факторов. Он утверждал, что пропасть между свободой и безопасностью дошла до такого предела, что одино-

чество, ощущение собственной незначимости и отчужденность стали определяющими признаками жизни современного человека. Фактически Достоевский, сотворяя своего Подростка, описал пять экзистенциальных потребностей, присущих человеку во все времена. Эти потребности базируются на конфликтующих между собой стремлениях к свободе и безопасности: потребность в установлении связей, потребность в преодолении, потребность в корнях, потребность в идентичности и потребность в системе взглядов и преданности.

Анализируя архетип «подростка» в романе, мы приходим к выводу, что основные ориентации характера являются следствием способа удовлетворения экзистенциальных потребностей, предоставляемого социальными, экономическими и идеологическими условиями. Заметим, что Фромм¹ выделил два класса характеров: непродуктивные типы характера – рецессивный, эксплуатирующий, накапливающий и рыночный; продуктивный характер представляет собой цель развития человечества, в его основе лежат разум, любовь и труд. Нетрудно увидеть связь с «типологией» характеров-идей Достоевского – «ротшильдская» идея (эксплуатирующая, накапливающая и рыночная) и идея соборного единения «во Христе» (в основе которой – разум, любовь и труд), появившейся за несколько десятков лет до рождения Фромма.

По Адлеру, важнейшая задача мышления – опережать действия и события, определять путь, оказывать влияние на свою судьбу. Подросток формирует такую линию поведения, чтобы добиться удовлетворения своих потребностей, свободного проявления личности, независимости от внешнего влияния. В сознании подростка Адлер обнаруживает некую идею-фикцию, согласно которой он строит свое поведение, проводит расчеты своих поступков, действий, старается освободиться от мучительного чувства неполноценности, «заводит механизм компенсации и берет в услужение защитную тенденцию»².

Художественный образ обнаруженного Адлером психологического феномена мы находим в «Подростке». Идея Ротшильда, построенная сознанием Подростка в глубоком подполье – «логические выводы, обращенные в сильнейшие чувства, которые захватывают все существо» – выступает как защитный механизм («крепость» и «уединение»), спасающий обостренное чувство «я» Подростка. Аркадий пытается остро переживаемое чувство неполноценности по механизму замещения, противоположения трансформировать в идею-фикцию, дарующую ему уверенность, независимость, свободу проявления.

Почти все поступки героя на протяжении романа вызваны процессом личностной и социальной идентификации. В структуре личности героя выделяются три не изолированные друг от друга мотивационные линии: желание сблизиться с людьми (усвоение норм человеческих отношений), обретение семьи и реализация идеи. Первые две линии, обеспечивая ценностное ориентирование личности, не позволяют уйти в самонализ, в «подполье», ибо индивидуализм никогда не был результатом естественного развития. Но ведь это и есть путь Аркадия в романе «Подросток»: от власти «миллиона», через страдания и метания между добром и злом – к правде народной, к благообразию, которое воплотится в образе Макара Долгорукого.

Современный психоанализ утверждает, что социальные отношения между ребенком и родителями являются решающим фактором в развитии личности. Архетип «подростка» диктует устойчивые оппозиции – одной из таких оппозиций будут отношения отец/сын.

Описание влияния личности отца на становление Подростка задолго до выводов виднейших психологов-новаторов XX в. Фрейда, Адлера и Юнга осветило глубинные механизмы становления личности подростка. И у Достоевского, и у Адлера выделяется единый источник развития человека – «личностное чувство». Усиленную личностного чувства способствуют

беспомощность, неосведомленность подростка о законах окружающего мира, а также комплекс неполноценности, возникающий при необходимости сравнивать свою личность с более взрослыми и сильными людьми. По механизму замещения уязвленность своего «я» стремится переродиться в гипертрофированное чувство значимости своей личности. Стараясь преодолеть свою неопытность, человек тянется к тому, что могло бы дать нравственную опору. В облике отца ребенок находит образ «сильного знанием», авторитетного человека. Стремление к духовному слиянию со своим отцом – один из главных мотивов в душевной жизни Подростка. Это желание усиливается оторванностью маленького Аркадия от своих родителей. Именно воспоминание, окружившее идеальным ореолом облик отца, явилось единственным источником духовной пищи Аркадия. Вся и душевная жизнь героя развивалась через осмысление первого впечатления; воспоминание обогащалось домысливанием, мечтами, фантазиями, вырастая в целую «психологическую пирамиду». Чувство неполноценности, вызванное сознанием своей незаконнорожденности, – еще одна причина усиления личностного чувства. Чувство собственной значимости укрепляется в поиске Аркадием авторитетной личности, идеала, опоры. По замечанию Адлера, образный метод человеческого мышления, привыкший использовать аналогии, подсказывает ребенку, что будущий сильный, свободный от комплекса неполноценности облик собственной персоны ассоциируется с образом матери, отца, старшего брата, бога. В сознании Подростка представление о такой авторитетной личности связано с образом Версилова. Линия логического рассуждения Адлера идет параллельно художественному развертыванию истории становления главного героя «Подростка». Эти наблюдения позволяют нам говорить о необыкновенной близости двух психологических открытий, одно из которых было сделано на несколько десятилетий раньше, причем в художественно убедительной форме.

Мы наметили черты архетипа «подросток» в одноименном романе, где он функционирует в ткани «взрослого» бытия. Анализ значительного корпуса текстов Достоевского позволяет «увидеть» архетип «внутреннего подростка», определяющий специфику и структуру персонажей, в принципе перешагнувших подростковый возрастной порог. Архетип «внутреннего подростка» выполняет разнообразные функции в бытийном пространстве «пятикнижия» писателя. Для него характерны: инвариантная ситуация конфликта «Лица и Мира» (Кирпотин), «героя и целого (романа)» (Топоров); доминантный мотив «перерастания» себя – тенденция актуализации, врожденное стремление человека актуализировать и интенсифицировать себя. Отсюда как насущная функциональная необходимость появляется и соответствующий характер героя, который определяется как этикоонтологический «подросток», существо, с уходом детства потерявшее и ищущее свое место в системе мироздания, переживающее свой путь к истине как процесс «роста» или «возрастания» («взросления»).

Л. В. Карасев в работе «О символах Достоевского»³ отмечает, что герой Достоевского – это человек, готовящийся к самопожертвованию; это человек, увиденный, захваченный в момент, когда он переступает порог духовного рождения или смерти. Он изменяется, выстраивает себя, прорывается к миру, зовущему и притягивающему его. Если перевести это состояние на язык возраста, жизненной норы, то станет видно, что речь идет о *человеке-подростке*, человеке, который мучительно переживает свое взросление и, по сути, так и не может повзрослеть до конца.

В архетипе «внутреннего подростка» все мотивы человека включены в один мотив «перерастания» себя. «Внутренний подросток» в героях Достоевского стремится к тем переживаниям, которые воспринимаются как Я-интенсифицирующие, и избегает тех переживаний, которые воспринимаются как Я-отрицание. Для героев-идеологов, обладателей «уединенного» сознания,

единственной реальностью, с точки зрения восприятия человека, является субъективная реальность. Центральное место в этом субъективном мире принадлежит Я-концепции, в соответствии с которой большей частью ведут себя персонажи.

В качестве образца психического и душевного здоровья описываются герои, которые открыты другим, полностью доверяют им и свободно движутся в направлении актуализации себя (Мышкин, Тихон, Макар Долгорукий, Алеша Карамазов). Такие герои в системе инвариантных типов Достоевского являются обладателями «диалогического сознания», а в терминах психоанализа называются «полноценно функционирующими». Характерно, что сам Достоевский настойчиво проявляет у своих любимых героев – у Алеши Карамазова, Сони Мармеладовой, князя Мышкина – черты «детскости», репрезентирующей архетипические черты ребенка, а не подростка.

Рассматривая тексты Достоевского с этой точки зрения, обращаешь внимание на высокий ценностный потенциал «детского мировосприятия», которому подвластно многое из того, что «образованный человек» Нового времени понять не в состоя-

нии, и который оказывается в ряде случаев едва ли не единственной опорой в движении человека к благодати. С другой стороны, сам переход от «ребенка» к «подростковому состоянию» воспринимается человеком как тяжелая утрата. Последний упомянутый тип приводит нас к архетипу Христа, значение которого трудно переоценить для мировоззрения Достоевского.

Состояние «подростка» – своеобразная этикоонтологическая реальность, принципиально промежуточное состояние между «золотым веком» мира детства и миром духовно-просвещенных «детей» – старцев. Понятно, что с такой точки зрения реальный возраст героя не имеет значения – в художественном хронотопе «подростковый период» может быть растянут во времени и отнюдь не всегда прямо связан с определенным возрастом персонажа.

Человек Достоевского – это «вечный подросток»: в подростковом есть и дурное и благое, он стремится вырасти, подняться над собой. Когда мы связываем это естественное стремление юности с мотивом движения вверх, который так часто встречается у Достоевского, то видим, как важно и то и другое.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Фромм Э. Душа человека. М., 1992.

² Адлер А. О нервическом характере. М., СПб., 1997. С. 172.

³ Карасев Л. В. Вещество литературы. М., 2001.